(ф. 2577), а их копия — в Музее В. В. Маяковского. Впервые история взаимоотношений поэта с Шамардиной освещена в статье З. С. Паперного [10]. Развернутая, хотя также неполная, публикация записок Шамардиной осуществлена И. И. Аброскиной [11].

Познакомил Шамардину с Маяковским К. И. Чуковский на вечере футуристов. В тот же вечер она сидела в кабаре «Бродячая собака» счастливая и гордая вниманием поэта. «Мне уже никто не был нужен, никто не интересен» [12, с. 2]. Осенью 1913 г. Маяковский трижды приезжал в Петербург: в начале октября и начале ноября, а затем пробыл здесь месяц (с 12 ноября до 12 декабря) в связи с постановкой своей трагедии в театре «Луна-парк». В эту пору Софья Шамардина, забросив учебники, бывала на всех вечерах Маяковского. Двадцатилетний поэт и девятнадцатилетняя курсистка полюбили друг друга первой безоглядной любовью. «Сонка», как стал называть Шамардину Маяковский, встречалась с ним сначала в своей комнате на Васильевском острове, а когда хозяйка предложила ей в связи с этим найти другую квартиру, стала приходить к поэту в номер гостиницы Пале-Рояль на Потемкинской улице.

Казалось, отношения между молодыми людьми складывались счастливо и должны были иметь продолжение. Встает вопрос, почему они изменились? В воспоминаниях Шамардина по-разному объясняет это. По ее словам, когда «дружба с Маяковским приняла характер отношений не совсем приемлемых для общепринятой морали», в дело вмешался К. И. Чуковский и семья друзей сестры, к которым она переселилась. «Но так как *Маяковский звонил днем и ночью*, это наводило моих хозяев на грустные мысли... „За Соней охота, ее надо забрать домой“» [12, с. 11, 13] (Курсив наш.— *К. П.*).

В другом месте Шамардина так объясняет возникшее между любящими противоречие: «Нас принимали за брата и сестру... Мне нравилось это, потому что мне всегда больше хотелось быть сестрой. И из-за этого моего пункта было много тяжелого в то время, много ненужного, омрачавшего нашу дружбу... Бывало смешно и трагично. Помню в этом свете невеселую поездку в Финляндию... По-домашнему уютная комната, камин, керосиновая лампа. Маяковский сидит и пишет, а я на полу у огня сижу и все время боюсь, что он ко мне подойдет».

А Маяковский? Он был настойчив и не хотел прерывать сложившихся отношений. «Помню,— пишет Шамардина,— свое глупое, гадкое, отвратительное поведение, когда избегала встреч с Маяковским. Помню, как однажды он, нигде не найдя меня, пошел в „Бродячую собаку“ и уговаривал уйти оттуда: „Здесь же все заплевано. Не ходи сюда“.— Ушел он один» [12, с. 13]. Итак, едва отношения любящих достигли близости, как возникла трагическая для Маяковского коллизия. В контексте прояснившихся теперь драматических отношений Маяковского и Шамардиной (ноябрь 1913 г.) по-новому воспринимаются отдельные мотивы и реплики трагедии «Владимир Маяковский» [7]. Впервые в творчестве Маяковского возникает здесь мотив разочарования в любви, тесно переплетающийся с мотивами любовной муки, неприкаянности, одиночества, безумия. В начале первого действия звучат слова Владимира Маяковского (поэта 20—25 лет): «Милостивые государи!/Заштопайте мне душу,/пустота сочиться не могла бы...». А другой персонаж — «Обыкновенный молодой человек» выговаривает самое заветное: «Что же,— /значит, ничто любовь?//У меня есть Сонечка, сестра! (На коленях)

Милые!//Не лейте кровь!//Дорогие,/не надо костра!». За этим следует реплика «Человека с растянутым лицом»: «Если б вы так, как я, любили//вы бы убили любовь//или лобное место нашли//и растлили б//шершавое потное небо//и молочно-невинные звезды» [4, т. 1, с. 162—163]. Бунт против неба вырастает из мотива умерщвленной любви. Не раз высказывалась мысль, что персонажи

[7] Трагедия создавалась летом и осенью 1913 г. Репетиции с участием Маяковского шли во второй половине ноября, а два спектакля состоялись 2 и 4 декабря.